

© 2004 г. А.Б. ПЕНЬКОВСКИЙ

О РАЗВИТИИ СКРЫТЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

(от Пушкина до наших дней)*

Категория масштаба: 1. *захолустье*; 2. *скитаться*

Как было показано в работе [Пеньковский 2002], в русском литературном языке на протяжении последних полутора столетий формируется (в сущности уже сформировалась!) скрытая "Категория масштаба", обнаруживающая себя в о с л о ж н е н и и центра или периферии семантической структуры слова д о п о л н и т е л ь н ы м (дифференциальным или интегральным) п р и з н а к о м 'Большое – Малое' (во всех его параметрических вариантах). Так, имена *жилец* и *житель* (ср. также *жилица* и *жительница*), общее значение которых 'обитатель – обитательница', для современного языкового сознания противопоставлены по признаку "масштаба места обитания": "малый масштаб" (ММ) – "большой масштаб" (БМ): *жилец / жилица* (квартиры, дома, пещеры... – ММ) – *житель / жительница* (города, сельской местности, Европы, земля... – БМ). В пушкинскую эпоху этого противопоставления еще не существовало. Имена *жилец / жилица* и *житель / жительница* были тогда абсолютными эквивалентами как в их прямом, так и в переносных значениях и в разного рода перифразах. Ср.: "Ищу стихий других, земли *жилец* усталый; / Приветствую тебя, свободный океан" (А.С. Пушкин. "Завидую тебе, питомец моря смелый...". 1823 г.) и "В доме Гаврилы Афанасьевича из сеней направо находилась *тесная каморка* с одним окошечком <...> ...Пленный танцмейстер, уединенный *ее житель*, <...>, услаждал скуку зимнего вечера, наигрывая старинные шведские марши..." (А.С. Пушкин. Арап Петра Великого. VI. 1827 г.). Память об этом уже изжитом состоянии сохраняется сегодня только в фразеологическом *не жилец (на белом свете)*¹.

Именно такова – без з а к р е п л е н н о г о "масштабного" компонента! – семантическая структура образующих антонимические пары слов с корнями *-част-* и *-ред(-к)-*, свободно употребляющиеся в ММ и БМ-контекстах с пространственным (П) и временным (В) значением. Ср. *частый гребень*, *гребень с часто расположенными зубьями* – (ММП); *частые звезды*, *звезды, часто усеявшие небо* – (БМП); *частое сердцебиенье*, *сердце билось часто и неровно* – (ММВ); *частые сердцебиенья, часто повторяющиеся сердцебиенья* – (БМВ); *частый дождь, капли дождя падали часто* – (ММПВ); *частые остановки поезда, поезд часто останавливался* – (БМПВ) (см. об этом в [Пеньковский 1991]). Это, однако, лишь пережиток прежнего до- и безмасштабного состояния, из которого, закрепившись за ММ- или БМ-контекстами и вобрав в себя соответствующее специализированное "масштабное" значение, уже полностью вышла значительная группа русской лексики со всеми ее частеречными подразделениями.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (гранты 01-04-00-201-а и 01-04-00-132-а).

¹ Ср. также устаревшее *не жилица*: "Очень мы плакали, расставаясь: я чувствовала, что нам больше не суждено было видеться в этой жизни. Она тоже предчувствовала, что не долго наживет, и говорила мне это. Я, конечно, ее утешала, звала в Москву, а сама видела, что при ее слабости и болях она *не жилица*..." (Д.Д. Благово. Рассказы бабушки. 15. IX. 1850-е гг.).

Сегодня мы уже не можем назвать свертком ни свернутый клочок бумаги ("Импровизатор сошел опять с подмостков, держа в руках урну, и спросил: – Кому угодно будет вынуть тему? <...> вдруг заметил он в стороне поднимающуюся ручку в белой маленькой перчатке <...> Она встала безо всякого смущения и со всевозможной простотою опустила в урну аристократическую ручку и *вынула сверток*..." – А.С. Пушкин. Египетские ночи. III. 1835 г.)², ни свернутый листок растения ("Возле здоровых листьев есть как будто больные, возле цветка лилии есть прицветник, пожелтевший *сверток*, который бы хотелось сорвать и бросить..." – В.Ф. Одоевский. Недовольно. XVI. 1867 г.), как не могут быть названы *ношей* ни церковные дары ("Идет из кустов пономарь и звонит; / И следом священник с дарами. / <...> / Но лугом стремился кипучий ручей; / Свирепо надувшись от сильных дождей, / Он путь заграждал пешеходу; / И спутнику пастырь дары отдает; / И обувь снимает и смело идет / С священною *ношею* в воду" (В.А. Жуковский. Граф Гапсбургский. 1818 г.), ни легкий поднос с чайной посудой ("...дверь отворилась и вошла Верочка. Твердо и легко выступая, несла она на зеленом подносе две чашки кофе и сливочник. <...> Борис Андреич и Петр Васильич поднялись оба с дивана; она присела им в ответ, не выпуская из рук подноса, и, подойдя к столу, поставила на него *свою ношу*" – И.С. Тургенев. Два приятеля. 1853 г.), ни несколько газет и брошюр в руках человека ("Иностранные газеты и брошюры, насколько их можно было достать, очутились в руках даже наименее привычных к *такой ноше*..." – П.В. Анненков. Замечательное десятилетие. 1870-е гг.), ни тем более все то, что является его неотчуждаемой принадлежностью («...он видит: близко, рядом / Идет старуха нищая с клюкой, / Окинула его пытливым взглядом / И говорит: "Скиталец бедный мой! / <...> / Я старость, я пришла без зова, / Подруга новая твоя! / <...> / Тебя в ненастные, сомнительные дни / Я шарфом обвяжу, подам тебе калоши... / А зубы, волосы... *На что тебе они? / Тебя избавляю я от этой лишней ноши*"...» – А.Н. Апухтин. Старость. 1886 г.). "Маломасштабные" употребления этих слов, утрачены безвозвратно³.

² Ср. также: «С одним из товарищей моих меньших сыновей, Погуляевым, мы послали вам *две стихотворные пиесы* ("Чиновник" и "Зимняя дорога") моего Ивана; *сверток* оставлен у Жуковского..." (С.Т. Аксаков – Н.В. Гоголю. 22 ноября 1845 г.). В ответном письме Гоголь, имея в виду эти же стихи, пользуется словом *посылка* в неизвестном сегодня обобщающем значении 'посланное': "Письмо ваше от 23 генваря получил <...> Прежних стихов, вами посланных Жуковскому, я не получил. Жуковский не упоминает даже ни слова в письмах своих, была ли к нему какая-нибудь *посылка* на мое имя" (Н.В. Гоголь – С.Т. Аксакову. 23 марта 1846 г.). Ср. также: «Не знаю, что подумать о нем, то есть Пушкине. Еще в апреле *послал я к нему "Старую быль" и приписку в стихах, и письмо в прозе весьма дружеское, le tout* через Погодина; не получая ответа, писал я к Погодину справиться, доставил ли Погодин *мой пакет* Пушкину; к сожалению, Каратыгин его ни разу не застал дома <...> между тем справился я у Погодина, через знакомого в Москве, и оказалось, что письмо мое послано куда следовало еще тогда: стало, Пушкин получил и молчит: худо; но вот что хуже: князь Н. Голицын, мой закадычный друг, <...> полагает, что *моя посылка* к Пушкину есть *une grande malice* <злая насмешка>..." (П.А. Катенин – Н.И. Бахтину. 7 сентября 1828 г.); "Посылаю к вам, любезный князь Петр Андреевич, и последнюю выписку. Предоставляю и ее в полное ваше распоряжение, но только с тем, чтоб не выдавать меня на старости лет моих в случае нападков <sic!> на меня от смирдистов, если вы заблагорассудите поместить *посылку* мою в вашем сборнике" (И.И. Дмитриев – П.А. Вяземскому. 18 декабря 1836 г.).

³ Поэтому, как можно предполагать, наше восприятие *ноши* в приводимом ниже примере из Вяземского: "Щадить порочных есть уж шаг один к порокам. / Иль мне причтется в грех, когда в веселый час / Я посмеюсь писцам, ползущим на Парнас, / Кряхтя *под ношею стихов своих тяжелых*..." (П.А. Вяземский. К Жуковскому. 1812 г.) отличается от того, каким оно было у автора и его современников. Действующий запрет на "маломасштабное" употребление этого слова "утяжеляет" в нашем сознании вес этой "ноши стихов", метафорическая тяжесть которых становится "физической" тяжестью самой ноши.

Сверток сегодня – отнюдь не все, что свернуто, "что-либо свернутое", как точно для своего времени определяет Даль, уточняя: "трубка, скаток. *Сверток бумаг, холста; сверток табаку*" [Даль, 147], и в современном языковом сознании соотносится по значению скорее с глаголом *завернуть* (ср. толкование [Ож. 1975: 645]: "Завернутые во что-н. вещи. *Сверток с книгами*"!), чем с этимологически мотивирующим *свернуть*⁴. Связь с этим последним уже настолько ослаблена, что [Ож.] вообще опускает соответствующее значение, не считая нужным дать его даже с пометой "устар.". "Большие" же словари, вполне оправданно фиксируя это значение, а н а х р о н и ч н о отдают ему первое место: "1. Что-либо (бумага, материя и т.п.), свернутое в трубку; свиток" [БАС 1962, 13: 305], "1. Предмет, свернутый трубкой или свитый" [МАС 1988, IV: 42], не замечая ни его безусловной устарелости (как и устарелости толкователей "*свиток, свитый*"⁵), ни замкнутого круга его предметных связей: только *сверток чертежей, сверток нот, сверток холста* (ср.: "Иногда Глаголевский заносил с собой *сверток разных картинок, гравированных и литографированных...*" – Я.П. Полонский. Признания Сергея Чалыгина. V. 1867 г.; "Каратаев <...> достал из-за пазухи *сверточек обрезков <холста>* и, не глядя на него, отдал француз..." – Л.Н. Толстой. Война и мир. 4, 2, XI⁶), но не **сверток ковра, *сверток толя, *сверток обоев, *сверток клеенки, *сверток линолеума, *сверток рабицы* и т.п., для которых сегодня используется только заимствованное в конце XIX в. *рулон* < франц. *rouleau* – первая фиксация в словаре иностранных слов 1937 г. [БАС 1961, 12: 1563]⁷, уже готовое взять на себя всю полноту "большемасштабной" семантики. Остаются незамеченными и "управительные" различия между *сверток*¹ – *сверток с*

⁴ Ср.: "Она шла в толпе навстречу мне и на этот раз несла на головке *что-то завернутое в холст*. <...> Войдя в мою комнату, она *положила свой сверток на стол*..." (И.А. Бунин. Весной в Иудее. 1946 г.).

⁵ Так же анахронично и толкование слова *свиток* в БАС, выдвигающее на передний план без помет его устаревшее значение "Узкая полоса бумаги или пергамента, свернутая в трубку", ошибочно иллюстрируемое примером его употребления в цитате из А. Болотова как специализированного культурного термина: "[В нише] хранятся у них книги из священного писания ветхого завета, написанные... на пергаментных свитках" [БАС 1962, 13: 390]. Ср. иллюстрации в наших "малых" словарях: "Папирусный свиток. Древняя рукопись в свитке" [Ож 1975: 648; ОШ 1997: 703]. Ср., с одной стороны, *свиток* в качестве термина: «Он <Софокл> смолкнул, и судьи дивятся. / Сыны, к земле потупя взор, / Как осужденные, боится / Услышать казни приговор. / Народ воздыгся и взывает: / "Читай, читай стихов твоих!" / И старец *свиток раскрывает*, / И, вновь воссев, народ утих» (П.А. Катенин. Софокл. 1818 г.), и с другой, пример устаревшего – нетерминологического – использования этого слова: «...стоявший за креслом Пальмерстона "тостмастер" провозгласил здоровье королевы. Все поднялись, и раздалось девять оглушительных "ура" – Three times three – три раза по три. Тостмастер кричал первый и подавал знак *свитком*, вроде жезла, который держал в руке...» (И.С. Тургенев. Обед в обществе английского литературного фонда. 1858 г.).

⁶ Ср. в русском переводе записанного П. Визардо по-французски последнего (1883 г.) рассказа Тургенева "Конец" ("Une fin"): "Позднее выяснилось, что девочка сбежала из дому через сад, не сказав никому ни слова, и взяла с собой только *сверточек платьев* и пару башмаков на смену", где "*сверточек платьев*" передаст "*petit paquet de vêtements*" французского оригинала (см.: И.С. Тургенев. Полн. собр. соч.: В 15 тт., М.; Л., 1967. Т. XIII: 375, 388).

⁷ Показательны различия в словарных определениях этого слова. [Ож.], как и [ОШ] (в котором, кстати сказать, *сверток* вообще странным образом отсутствует; то же в НСРЯ) толкуют *рулон* (ср. также вышедший из употребления и забытый ранний вариант *руло* [Уш. 1939, III: 1404; БАС 1961, 12: 1563 – первая фиксация в словаре Михельсона 1866]), пользуясь словом *трубка*: "Трубка гибкого материала, свернутого для хранения" [ОШ 1988: 688]; "Материал (бумага, клеенка и т.п.), свернутый в трубку" [Ож. 1975: 634]. То же в [БАС]: "Свернутая в трубку бумага, ткань, линолеум и т.п." [БАС 1961, 12: 1564]. [МАС] же неожиданно оказывается более анахроничным и, следуя [Уш.], толкует *рулон* через *сверток*: "Круглый сверток бумаги, обоев, клеенки и т.п." [Уш. 1939, III: 1404; МАС 1987, III: 740].

чем (отличающийся, как было показано выше, сдвинутыми семантическими связями) и замкнутым в узком кругу *сверток*² – *сверток чего*, с его новой "маломасштабной" семантикой (в противопоставлении *рулону* – *рулону чего*)⁸.

И *ноша* в современном языке – отнюдь не все "то, что можно нести в один раз", как определяет [СЦСРЯ 1867, II: 981], а, как толкует [Уш. I: 600], "то, что переносят на себе", или, в еще более точной формулировке, "груз, переносимый на себе" [БАС 1958, 7: 1433; Ож. 1975: 384; МАС 1986, II: 512; ОШ 1997: 423; НСРЯ 2000: 1051]. Именно 'груз' и является центром "масштабной" семантики *ноши*. Всякая *ноша* – это 'груз', и притом 'значительный'. Отсюда такие обычные атрибуты *ноши*, как *тяжелая*, *тяжкая*⁹ и, по отношению к субъекту стоящего за ней действия (*тащить*, *тянуть*, *влачить* и др.), – *неподъемная*, *непосильная*, *роковая*, откуда такие ее предикаты, как *давить* и *гнест*. Ср. переносно: "Будь уверен, что никто не принимает живейшего участия в твоей судьбе, чем я. Будь здоров и *не давай жизненной ноше раздавить тебя*" (И.С. Тургенев – Я.П. Полонскому. 16 ноября 1860 г.). Молчаливо предполагается, что такой груз естественно было бы не переносить, а перевозить (ср. *кладь* и *поклажа*¹⁰). Отсюда в толкованиях *ноши* скрыто-уступительное "на себе". Поэтому "всякому своя *ноша тяжела*" (А.Н. Островский. В чужом пиру похмелье), но одновременно и "*своя ноша не тянет*", как утверждает успокоительная сентенция в ответ на сочувствие или беспокойство по поводу ее непомерной тяжести: потому и не тянет, что *своя*. Поэтому же *ноша*, в отличие от *бремени* и *тяжести*, может быть *драгоценной* ("Руслан, сим гласом оживленный, / Берет в объятия жену, / И тихо с *ношей драгоценной* / Он оставляет вышину / И сходит в дол уединенный..." – А.С. Пушкин. Руслан и Людмила. V) и, как в цитированном выше примере из Жуковского, даже *священной*¹¹.

⁸ Ср. редкие случаи совмещения двух этих значений: "Она <...> с беспокойством поглядела на Кремнева и сказала: – Пожалуйста, бросьте в печь эти несчастные письма, – и она указала на *большой сверток бумаги, перевязанный розовой лентой*. <...> Кремнев взял *сверток* (я думаю, около ста писем, если не более), и мы вышли..." (Я.П. Полонский. Признания Сергея Чалыгина. XXXVI. 1867 г.); "Мефистофель шел, гуляя, / По кладбищу, вдовль могил... / Теплый, яркий полдень мая / Лик усталый золотил. // Мусор, хворост, тьма опенок, / Гниль какого-то ручья... / Видит: брошенный ребенок / В *свертке грязного тряпья*..." (К. Случевский. На прогулке. 1881 г.). Ср. также пример, находящийся на границе двух эпох в истории этого слова и потому допускающий двойное его понимание: "...тут <в приемной князя Воронцова> был пристав с *большим свертком*, в котором был проект о новом способе покорения Кавказа..." (Л.Н. Толстой. Хаджи-Мурат. X. 1896 г.).

⁹ Ср. также – с редким для этого имени эпитетом – *тучный*: "Беда грабителям! Беда / Их конным выюкам, *тучным ношам*: / Кулак, топор и борода / Пошли следить их по порошам..." (Ф.Н. Глинка. 1812 год. 1830-е гг.).

¹⁰ Ср.: "...чаще и чаще слышались взлеты вырывающегося нара; здания и *пустые вагоны, ожидающие клади*, замелькали перед вами – и вы полетели..." (М.В. Авдеев. Поездка на кумыс. 1856 г.). Ср. также *тяжесть*² (обычно в формах мн. числа) как общее имя и для того, что несут (*ноша* и *бремя*), и для того, что везут (*кладь* или *поклажа*): "Все они <французские части, бежавшие из России> побросали друг друга, побросали *все свои тяжести*, артиллерию, половину народа..." (Л.Н. Толстой. Война и мир. 4. 3. XVII); "Очень она <лодка> была грузна, а еще ее переполняли *всякой поклажей и тяжестями*..." (И.С. Тургенев. Легенда о св. Юлиане. II. 1876 г.). Показателен приводимый ниже пример, где способ доставки *поклажи* не назван, но безусловно подсказывается контекстом: "Два дня спустя Инсаров, по обещанию, *явился к Берсеневу с своею поклажей*. Слуги у него не было, но он без всякой помощи привел свою комнату в порядок, устал мебель, подтер ниль и вымел пол. Особенно долго он возился с письменным столом, который никак не хотел поместиться в назначенный для него простенок" (И.С. Тургенев. Накануне. XI. 1859 г.).

¹¹ Ср. также: "...Там, по холмам Бородинским, / Юноша *нес на плечах тело, пробитое пулей*: / Свежая кровь по мундиру алой тянулась дорожкой. / – Друг! Ты куда же *несешь свою благородную ношу*? – В ответ он: / – Братцы! Товарищ убит! Я местечка ищу для могилы..."

Однако помимо "весового" компонента, "масштабная" семантика *ноши* включает еще и <1> "акционально-динамическую", а также <2> "пространственную" и "временную" составляющие.

<1> Ношу, в отличие от тяжести (ср.: "Идут годы, тяжелые годы, / *Та же тяжесть им давит на плечи; / Но не шлют они дерзкие речи / И не вторят речам непогоды...*" – К. Случевский. Кариатиды. 1856 г.; "Придет пора, нальется плод, / *А тяжесть ветви к долу клонит...*" К. Случевский. "Как будто снегом опушила...". 1890 г.), груза и бремени ("Женские кариатиды еще безобразнее мужских. Можно ли видеть без отвращения прекрасную женщину, *страдающую под тягостным бременем*, и с необыкновенным усилием во всех членах поддерживающую целое здание или огромную часть оно?" – К.Н. Батюшков. Прогулка в Академию художеств. 1814 г.; "...есть слезы холодные, скупю льющияся слезы: их по капле выдавливают из сердца *тяжелым и недвижным бременем* налегшее на него горе..." – И.С. Тургенев. Рудин. XI. 1855 г.; "Уже ни ласковым, ни милым, ни даже сном не казалось ей все окружающее: *оно как кошмар давило ей грудь неподвижным мертвенным бременем*" – И.С. Тургенев. Накануне. XXI. 1859 г.) несут, а не держат. Поэтому не соответствует современной норме переносное использование этого слова в приводимом ниже контексте с "статически неподвижным" субъектом: "...я остановился на большой и твердой кочке, ухватил обеими руками голову за волосы и потянул вверх изо всей силы. <...> Наконец напряженные мои усилия увенчались желаемым успехом: я вытащил человеческую фигуру самого огромного размера. <...> К счастью, мысль, что оба мы стояли на самом зыбком подножии, потому что *кочка уже начала колебаться от двойной ноши*, – эта мысль в самую пору промелькнула в моей голове..." (О. Сомов. Роман в двух письмах. I. 1832 г.).

<2> Но ношу и не просто несут. Ее переносят на более или менее значительное расстояние, что предполагает наличие точки отправления (point de depart), где ее поднимают, вваливают на себя, и точки прибытия и доставки, где ее опускают и сбрасывают (сваливают, скидывают, слагают), причем затрачивают на это более или менее значительное время. Ср.: "Они <жители дома> часто слышат, как оно <привидение> ходит по чердаку, вздыхая и кряхтя, как будто на плечах у него тяжелая ноша, которую оно сбрасывает иногда с таким шумом, что

(Ф.Н. Глинка. Славное погребение. 1841 г.). Как свидетельствуют такие словоупотребления, ношей может быть также и человек (живой или мертвый), что также отличает ее от всех других членов рассматриваемого тематико-синонимического ряда. Поэтому оказывается возможным использование этого слова и тогда, когда глагол *нести* выступает в своем метафорическом предметно-субъектном значении (например, о водном потоке), и тогда, речь идет не о том, кого переносят на себе, как в приведенном выше примере из "Руслана и Людмилы", а о том, кого перевозят (и следовательно, не держат на руках, а только придерживают руками). Ср.: 1. "Вдруг огромный и крутой / Вал пловцам навстречу хлынул, / Челн, как пух, из бездны вскинул / На хребет высокий свой. / Он несет их, полных страха, / Между безднами кружит, / И у берега с размаха / Ношу бросил на гранит" (А.И. Подолинский. Смерть Перси. 4. 1834–1836 гг.). 2. "Снег на землю валится, сын дорогою мчится, / *И под буркою ноша большая...*" (А.С. Пушкин. Бурды и его сыновья. 1833 г., где "*ноша большая*" – "*полячка младая*"). Характерные для современного языка ограничения на положительно-оценочное и личное употребление других членов нашего словесного ряда в прошлом не действовали: «А Мария? Она спасена; но бледная, бесчувственная, она лежала, как мраморное изваяние, на руках своего избавителя. Софья узнала в нем своего доктора. *Он поспешно вынес на берег свое время* и, слагая ее на луг, казалось взором говорил Софье: "Вот она, ваша подруга, а вам возвращаю ее"...» (М.С. Жукова. Вечера на Карповке. 1837 г.); "Она приняла руки, взглянула на него и упала к нему на грудь. <...> А он стоял неподвижно, он окружал своими крепкими объятиями эту молодую, отдавшуюся ему жизнь, он ощущал на груди *это новое, бесконечно дорогое бремя...*" (И.С. Тургенев. Накануне. XVIII. 1859 г.). Ср. также: "А я с младенчества нес великое бремя *моей неизменной любви к ней, – к той, которая, давши мне жизнь, поразила мою душу именно мукой...*" (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева. IV).

полы в доме трещат и окна дрожат" (А. Погорельский. Двойник, или Мои вечера в Малороссии. 1, 2. 1825 г.).

Этому комплексу обязательных признаков и ош и связанных с нею действий и состояний не соответствуют "маломасштабные" *ноши* в приведенных выше примерах из Тургенева, Анненкова и Апухтина¹².

¹² Таковы же "большемасштабные" переносные, ментальные, значения этого слова: "О чем-либо обременительном, тяжелом" [БАС 1958, 7: 1433], "Что-л. обременительное, доставляющее хлопоты, заботы" [МАС 1986, II: 512]; "...главу подставивши смиренно, / Чтоб *ношу бед от промысла принять*, / Себя отдав руке неоткровенной, / Не мни творца, страдалец, вопрошать..." (В.А. Жуковский. На кончину ее величества королевы Виртембергской. 1819 г.); "Смотрите: вот старик седой изнеможенный, / На ветхих костылях, *под ношей лет согбенный*..." (Е.А. Баратынский. <Отрывки из поэмы "Воспоминания">, 1820 г.); "Когда-нибудь – и скоро – я / *Оставляю ношу бытия*..." (М.Ю. Лермонтов. Ангел смерти. II. 1831 г.); "А я еще живу и *ношу дней таскаю*..." (П.А. Вяземский. 12 июля 1854 года) и т.п. То же с поглощением – *ноша* 'ноша дней, лет, жизни, бытия': "Блажен, кого постигнул бой! / Пусть долго с жизнью хилой, / Старик трепещущей ногой / Влачится над могилой; / Сын брани *мигом ношу в прах* / С могучих плеч *свергает* / И, бодр, на молниенных крылах / В мир лучший улетаёт" (В.А. Жуковский). Ср.: "С чего тюремщику, если он не какой-нибудь изверг, которых так же мало, как и великих людей, с чего ему ненавидеть колодника? *Они оба несут дег довольно тяжелые ноши*..." (А.И. Герцен. По разным поводам. 1846 г.); "*Экую я ношу навалил на Вас* – и каким нравственным мучениям, какой душевной истоме подверг Вас! Поверьте, что этой услуги я никогда не забуду..." (И.С. Тургенев – И.П. Борисову. 18 марта 1868 г.); "Дай мне восторгов любви с их обманами, / Дай мне безумья желаний живых, / Дай мне погаснувших снов с их туманами, / Дум животворных и грез золотых, / Дай – и возьми всю уверенность знания, / *Всю эту ношу убитых страстей*..." (К. Случевский. "Дай мне минувших годов увлечения...". 1892 г.). То же в сравнении: "Но весело, должно быть, господа, / Разгар любви следить в душе прекрасной, / Подслушать вздох, задумчивую речь, / Подметить взгляд доверчивый и ясный, / *Былое сбросить всё, как ношу с плеч*..." (И.С. Тургенев. Параша. 1843 г.); "О, если бы я мог, хоть в эту ночь немую / Забыться в грезах золотых / *И всё прошедшее, как ношу роковую, / Сложить у милых ног твоих*" (А.Н. Апухтин. Отравленное счастье. 1881 г.).

Для современного языка такие словоупотребления, по-видимому, нужно считать устаревшими. Не случайно "малые словари" их не отмечают, хотя приводят близкие по значению обороты с именем *бремя*: *бремя забот, нести свое бремя*; [Ож. 1975: 57; ОШ 1997: 59]. Таковы же *бремя жизни, бремя лет, бремя грехов человеческих, бремя дум, бремя печали и печалей, бремя ошибок и заблуждений* и т.п. Ср.: "Что несноснее *бремени самых скучных дел? Бремя безделья или праздности*; и есть люди, страждущие в одно время от того и другого" (Д.Н. Блудов. Украденная записная книжка. 1823 г.); "Да, много было нас, – и где тот светлый рай?.. / О, каждая из нас узнала *жизни бремя*..." (К. Павлова. "Да много было нас..." 1839 г.); "...не погубит *горя бремя* / В ней этой тайны неземной..." (К. Павлова. 10 ноября 1840 г.); "*Под тяжким бременем нужны изнемогая, / Прекрасным этот мир бедняк не назовет*" (А.Н. Плещеев. "Да! Этот мир хорош..." 1846 г.); "Скучала ли Васена одиночеством, грусть ли тайная гнала ее, или тяжело ей стало *бремя людской молвы, бремя мирского презрения и отчуждения – тяжкое бремя* во всяком кругу, во всяком мире, раскинут ли он в многодомных городах, замкнут ли в бедной и малой деревушке" (М.В. Авдеев. Огненный змей. 1853 г.); "Кто и зачем обзял меня без отдыха *нести это бремя – непрестанно высказывать свои чувства, мысли, представления*..." (И.А. Бунин. Ночь. 1925 г.). Можно полагать поэту, что имена *ноша* и *бремя* в современном языке находятся в отношении дополнительной дистрибуции: первое (лишенное жесткой оценочной коннотации) является носителем конкретных, материально-физических значений, тогда как второе – с закрепленной отрицательной оценкой – целиком принадлежит ментальному миру. Ср. прямое разграничение этих двух значений: "Взгляните на поденщика, который, окончив труд свой, бросается на голый камень и с *ношею плеч своих слагает все бремя душевное*..." (К.Н. Батюшков. Похвальное слово сну. 1809 г.). Ср. еще: *стать бременем* (не *ношей*!) и устар. *стать в бремя*: "Ему потом уж *стали в бремя* / Затеи девы удалой" (Е.А. Боратынский. Цыганка. IV. 1829–1841 гг.). Ср. фразеологизованное *разрешиться от бремени* (о роженицах) при асимметричных полногласных *бере-*

Сходные изменения обнаруживаются и в недавней истории множества других слов и, в том числе, в истории слов <1> *захолустье* и <2> *скитаться*, вынесенных в заглавие этой работы.

<1> *Захолустье*

Наши "малые" словари [Ож. 1975: 208; ОШ 1997: 224] толкуют *захолустье* как "место, далекое от культурных центров, глухая провинция" (с эксплицирующим БМП-определением *далекое*) и иллюстрируют это значение краткими речениями: "правильным" (с точки зрения советской идеологии) "*Дореволюционное захолустье*" [Ож.] или нейтральным "*Жить в захолустье*" [ОШ].

"Большие" словари предлагают сходные определения: "глухая провинция, место, удаленное от культурных центров" [Уш. 1935, I: 1068], "глухое, удаленное, малонаселенное место; глушь" [БАС 1955, 4: 1065], "глухое, отдаленное от культурного центра место" [МАС 1985, I: 592] и иллюстрируют их цитатами из литературных текстов от Пушкина, Белинского и Тургенева до Телешова, Скитальца и Гладкова. Ср.: "Первые опыты Пушкина огласились во всей России, проникли во все ее захолустья..." (Белинский); "Судьба закинула его в такое захолустье, что ни через него, ни мимо него ехать было некуда" (Телешов); "Каких только глухих захолустьев нет в нашей стране!" (Скиталец). Ср. также: "...оставили какую-то неиссякаемую родню, разбросанную по лицу России, по захолустьям деревень..." (Н.Ф. Павлов. Ятаган. 1833 г.); "...бедная Аделаида на ту минуту забыла, что сплетни такая типография в свете, которая все и о всех и без цензуры печатает, и от блестящей столицы до темного захолустья рассылает все, как по телеграфу" (В.П. Горчаков. Дневник. Конец 40-х гг.); "Если бы она располагала основаться в Лавриках, она бы всё в них переделала, начиная, разумеется с дома; но мысль остаться в этом степном захолустье ни на миг не приходила ей в голову..." (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо. XV. 1858 г.) и под.

При этом [БАС] и [МАС] выделяют (за двумя черточками) – в качестве "смыслового оттенка" – значение "глухая, малолюдная, удаленная часть города; окраина" [БАС], "глухая, отдаленная от центра часть города" [МАС], которое свидетельствуется цитатами из Григоровича, Герцена, Достоевского. Например: "Я жил в одном

менная, беременность. Ср. в этой связи устар. (не отмечаемое "малыми" словарями!) простор. и обл. *беремя* – 'вязанка (хвороста)', 'охапка (дров, сена, травы)' [БАС 1950, I: 397; МАС 1985, I: 80]. Ср. также *нести ярмо*: "Под бурею судеб, унылый, часто я, / Скучая тягостной неволей бытия, / Нести ярмо мое, утрачивая силу, / Гляжу с отрадою на близкую могилу, / Приветствую ее, покой ее люблю, / И цепи отряхнуть я сам себя молю, / Но вскоре мнимая решимость позабыта" (Е.А. Боратынский. Из А. Шенье. 1829 г.); "Все сверстники мои давно уж на покое, / И младшие давно сошли уж на покой; / Зачем же я один несу ярмо земное, / Забытый каторжник на каторге земной" (П.А. Вяземский. "Все сверстники мои...". 1872 г.) и *нести (брать) (свой) крест (жизни)*: "...рано ль, поздно ли найду успокоенье / И жизни крест я перестану несть..." (Н.Ф. Щербина. "Мне люди говорят...". 1840-е гг.); "Я пал под горем и бедами; / Мне тяжело нести свой крест" (Н.Ф. Щербина. Утренняя молитва. 1844 г.); "Когда на тернистом пути испытания / Я крест свой тяжелей несу без роптания / И чужд я корыстной мольбе, – / Услышь меня... Слава Тебе!" (Н.Ф. Щербина. Истина молитвы. 1847 г.); "И дальше я живу в стремленье безотрадном, / И жизни крест беру я на себя..." (Н.П. Огарев. Монологи. III. 1844–1847 гг.). Ср. также соединение *креста* и *ноши* у Вяземского: "Я жизни таинства и смысла не постиг; / Я не сумел нести святых ее вериг, / И крест, ниспосланный мне свыше мудрой волей – / Как воину хоруvg дается в ратном поле, – / Безумно и грешно, чтобы вольней идти, / Снимая с слабых плеч, бросал я по пути. / Но догонял меня крест с ношею суровой, / Вновь тяготел на мне, и глубже язвой новой / Насильно он в меня вралстал..." (П.А. Вяземский. Сознание. 1854 г.). В этой связи ср. также: *под бременем* / *под грузом* / *под гнетом* / *под игом* / *под тяжестью* чего, но **под ношей* чего, **под крестом* чего, **под ярмом* чего.

из *лондонских захолустьей*" (Герцен); "Склонность к уединению заставила Тахтамышеву поселиться в *одном из отдаленнейших захолустьей Москвы*" (Григорович); "Тушар жил в *захолустье* <Петербурга>, и из окон видна была застава..." (Достоевский) и т.п.

Совершенно очевидно, однако, что такого рода словоупотребления, вполне обычные в литературном языке до конца третьей четверти XIX в. (более того – значительно превышающие по частоте случаи использования этого слова в БМ-контекстах!), находятся за пределами и современной литературной нормы и воспринимаются как безусловно устаревшие. Ср. еще:

а) "В городе Т. существует *Растеряева улица*. Принадлежит к числу *захолустьей*, она обладает всеми особенностями местностей такого рода, то есть множеством всего покосившегося, полуразвалившегося или развалившегося совсем..." (Г.И. Успенский. Нравы Растеряевой улицы. 1866 г.).

б) "Пушкин уверял, что обвинение в развратной жизни моей в Петербурге не иначе можно вывести, как из вечеринки, которую давал нам Филимонов и на которой были Пушкин, Жуковский и другие. Филимонов жил тогда *черт знает в каком захолустье*, в деревянной лачуге, точно похожей на бордель..." (П.А. Вяземский. Записные книжки. 1828 г.); "– Наказание божие эта мостовая! – произнесла Вера Яковлевна. – *Угроздило же сделать на лучшей улице! Уж делали бы где в захолустье!*..." (М.С. Жукова. Дача на Петергофской дороге. 1845 г.). "...одевшись так, чтобы ничем не выделяться из толпы, мы тихонько, чуть не задними ходами, уходили из дома, садились в конку или на простого извозчика <...> и отправлялись куда-нибудь в Гавань, на Пески, под Смольный. <...> *Целыми часами мы бродили по разным захолустьям*, заходили в лавки, покупали лакомства, раздавали его <sic!> встречавшимся ребятишкам..." (М.В. Крестовская. Вопль. 1900 г.). Ср. в осознанной художественной стилизации у Б.А. Садовского (1881–1952 гг.) в рассказе "Петербургская ворожея. Эпизод из жизни Пушкина": "Фонтанка и посейчас <1818 г.> такая же глухая речонка, какой она была во дни императрицы Екатерины. Правда, покойная государыня повелела одеть в гранит ее низкие берега, но *за железными перилами Фонтанка осталась по-прежнему захолустьем*. <...> Дальше, за дворцом стелются унылые финские болота <...> Здесь мирная и тихая, не по-столичному жизнь. <...> Дикая и неприятная местность открыла несколько разбросанных жалких хижин..." (1910 г.).

в) "Полк собирался во Всесвятской роще; когда моя рота пришла, то уже все роты были на месте. Сейчас же переменяли мундиры, потому что шли в старых; надевая белых брюк на солдат, отправились под Тверскую заставу. Я думал, что прикажут одеваться *где-нибудь в захолустье*: не тут-то было, нас привели к самой заставе, и велено надевать панталоны..." (Из дневника ротного командира И.И. Гладилова. 1841 г. // Русский архив. 1901 г. Кн. 2. Вып. 6, с. 283); «Нередко у самого бедного москвича, если он женат, любимейшая мечта целой его жизни – когда-нибудь перестать шататься по квартирам и зажить своим домиком. И вот, с горем пополам, призвав на помощь родное "авось", он *покупает пустопорожнее место в каком-нибудь захолустье* и лет пять, а иногда и десять, строит домишко о трех окнах, покупая материалы то в долг, то по случаю, изворачиваясь так и сяк. И наконец, наступает вождеденный день переезда в собственный дом; домишко плох, да зато свой и притом с двором, – стало быть, можно и кур водить, и теленка есть где пасти <...> Таких домишек в Москве неисчислимое множество, и они-то способствуют ее обширности, если не великолепию...» (В.Г. Белинский. Петербург и Москва. 1844 г.); "Климов почитал себя существом обиженным и не оцененным по достоинству, человеком образованным и столичным, которому *не в Москве бы жить, без дела, в каком-то захолустье*..." (И.С. Тургенев. Муму. 1854 г.); "Оправясь от болезни, продолжал я обычные прогулки с Иваном Васильевичем <...> *Сомневаюсь, было ли в Москве такое глухое захолустье, куда бы он по временам не заходил*..." (Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. 1854 г. // Русский архив. 1872 г. Кн. 1. Вып. 1, с. 135); "Новое поколение знает старую Москву по комедии Грибоедова <...> Но, по несчас-

тию, драматический Нестор в своей московской летописи часто мудрствовал лукаво. В некоторых захолустьях Москвы, может быть, и господствовали нравы, исключительно выставленные им на сцене. Но при этой темной Москве была и другая еще, светлая Москва..." (П.А. Вяземский. Допотопная, или допожарная Москва" и т.п.

Будучи словарями ретроспективного ("ближнедиахронического") типа, "большие" словари вполне оправданно фиксируют такие словоупотребления, но совершают несомненную ошибку, не сопровождая их необходимой пометой "устар.". Тем самым искажается не только реальная языковая картина живого настоящего, не знающего "маломасштабного" *захолустья*, но и реальная языковая картина недавнего прошлого, в котором семантическая структура *захолустья* еще не была осложнена "масштабным" компонентом.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, *захолустье* в эту эпоху – 'окраина, глухое, безлюдное место в составе любого целого', будь то отдаленная губерния или ландшафтный регион в составе России, деревня или уездный город в составе губернии или всей страны, окраинная улица в городе или даже отдаленные неухоженные помещения в усадьбе, задворки. Ср.: "Множество особых сараев, погребов, подвалов, кухонь, амбаров, кладовых, наконец, обширный сад – такова была беспорядочная громада, составлявшая каждый княжеский двор. Отличительными чертами их были многолюдство, вечный шум, вечный приезд, толкотня, грязь, *не пересыхавшая, особливо в захолустьях*, даже и в летние жары..." (Н.А. Полевой. Клятва при гробе Господнем. 1. VII. 1832 г.); "Под вечер пришли они в дом скряги, были приняты грубо и отведены в какое-то *захолустье*, где предложили им самый скудный ужин" (С.Н. Глинка. Записки. IV. 1840-е гг.)¹³.

По, как всегда точному, определению Даля, *захолустье* – это "глушь, глухое место, закоулок или малолюдная часть в городе; отдаленное и малонаселенное, малопроезжее место, затишье" [Даль, I: 660]. То же в сжатом виде в Словаре Академии 1867 г.: "Место глухое, отдаленное" [СЦСРЯ, II: 146]¹⁴. Обращает на себя внимание почти обязательное для словарных определений *захолустья* использование толкователей *глухое место* и *глушь*, которые могут рассматриваться как его полные эквиваленты. Соответственно *глушь* толкуется как "место, удаленное от центров общественной и культурной жизни" [Уш. 1935, I: 575]; "то же, что *захолустье*" [ОШ 1997: 133] и т.п., что вполне соответствует фактам живой речи и литературному словоупотреблению как в современном его состоянии, так и в недавнем "безмасштабном" прошлом. Ср.: "[Баклушин – Насте] Но как вы попали в *эту глушь*? Ведь это край Москвы, это – *захолустье*" (А.Н. Островский. Не было ни гроша..., I: 6) и "...я не понимал, как может порядочный человек жить за Пресненскими прудами в каком-нибудь кривом переулке, в *глуши*, где каждый проезжающий экипаж обращает на себя всеобщее внимание" (М.Н. Загоскин. Московский старожил. 1842 г.).

¹³ Ср. также *захолустье* – о замкнутом существовании одинокого художника в его мастерской в противопоставлении бурной жизни большого света: "...Тогда я видел свет из окна моей мастерской, со стороны, на сцене, и он примелькался мне, наскучил, опротивел; теперь я вышел из этого *захолустья*, кинулся сам в этот свет, заглянул за кулисы, взял и себе роль – и без всякого эгоизма сознаюсь, что свет не стоит того, чтобы им заниматься" (А.В. Тимофеев. Художник. 1834 г.).

¹⁴ Ср. еще далевское (без помет о какой-либо диалектной его принадлежности) *заглушь* – "глухое место, глушь; место пустопорожнее, небойкое, неторное..." [Даль, I: 568], способное, может быть, пролить некоторый свет на темную этимологию *захолустья* (см. [Фасмер 1967, II: 83–84; Шанский и др. 1975: 160]) и, в частности, прояснением семантики приставки *за-*, которой, по сопоставлению с *замостью*, *зарядьем* и под., приписывается пространственное значение в рамках именной модели, тогда как *заглушь* (вместе с *затишьем*) представляют собой отглагольные образования (ср. *загложнуть*, *заглушить*, *затихнуть*), в которых *за-* несет значение достижения полноты (завершенности) признака.

Я намеренно привожу "маломасштабные" применения этих двух слов, поскольку исходным семантическим центром толкователей *глушь* и *глухое место* (ср. еще *глухомань!*) является, несомненно, 'безлюдность' и 'малолюдность' (ср. в "Словаре языка Пушкина": "1. Лесная чаща (6); 2. Глухое, пустынное, безлюдное место (45)" [СП 1956, I: 489], тогда как 'отдаленность' (от чего бы то ни было и любого масштаба) скорее всего в т о р и ч н а и (что безупречно объясняется логикой реальной жизни) производна от 'безлюдности'¹⁵. Отсюда также и 'тишина', находящая выражение в далеком *"затишье"* как толкователе *захолустья*¹⁶. Ср. также – *Глухо!* – как словесная реакция на отсутствие ожидаемого отклика-ответа и не фиксируемое нашими словарями *безответный* (о густом саде) – 'глухой': "Всякий день Нялочка гуляла часа по два в этом верхнем саде. По этой аллее бегала она когда-то и пяти лет от роду <...> Наконец тут же гуляет она почти семнадцатилетней девушкой <...>. *А этот сад все тот же пустынный, безответный...*" (Е. Салиас. Крутоярская царица. V. 1893 г.). Ср. еще: "*Глушь и скука царствовали в больнице. Всякий думал об одном, как бы скорее на вольный воздух. Выписывавшийся вон наводил на всех уныние...*" (Н.В. Успенский. Брусиллов. 1860 г.) и *заглохнуть* (об улицах и дорогах) – 'зарасти сорняком, стать непроезжими и безлюдными': "...в селах полуразвалившиеся хижины и *заглохшие сором и крапивою улицы* переносили воображение в веки первобытные" (О. Сомов. Гайдамак. I. 1828 г.).

О том же говорят и факты "садово-лесного" и – шире – вообще природного применения этих слов, вполне обычные, живые и сегодня для *глуши* и *глухомани*, ср. [ОШ 1997: 193], но уже забытые для *захолустья*. Ср.: "Пробудит ли пернатых хоры / Твоя веселая заря? – / И, ранний страж *глухих пустынь*, / Она прогонит ли в их горы, / В их *захолустья*, дичь и норы / Толпы разбойников с долин?" (Ф.Н. Глинка. Иов. XXXVIII. 1830-е гг.); "Нелегко подойти к нашему левому флангу. Нападающие должны проходить *по захолустьям*, рытвинам и кустарникам..." (Ф.Н. Глинка. Очерки Бородинского сражения. 1849 г.); "Лес, в который мы вступили, был чрезвычайно стар. Не знаю, бродили ли по нем татары, но русские воры или литовские люди смутного времени уже наверно могли скрываться *в его <леса> захолустьях...*" (И.С. Тургенев. Поездка в Полесье. 1857 г.). То же в словарных толкованиях *захолустья* – в качестве подзначения у Даля: "чаща в лесу" [Даль I: 660] или как

¹⁵ Ср. также тургеневское (в рассказе "Стучит!" 1874 г.) *заглазный* 'недоступный взгляду посторонних наблюдателей' → 'отдаленный', не отмеченное ни одним из словарей (в том числе и "Словарем русских народных говоров") и пропущенное комментаторами во всех публикациях "Записок охотника": "– Что ж? Лошадей нанять в Тулу прикажете? – пристал ко мне Ермолай. – Да разве можно в этом захолустье найти лошадей? – воскликнул я с невольной досадой... – *Деревня, в которой мы находились <в 45 верстах от Тулы>, была заглазная, глухая...*" (И.С. Тургенев. Полн. собр. соч.: В 15 томах. Т. 4. М., 1963, с. 367).

¹⁶ Ср. в языке Пушкина не только "*глушь лесов*": "Одна в *глуши лесов* сосновых / Давно, давно ты ждешь меня..." ("Подруга дней моих суровых..." 1826 г.), но и "*глушь степей*": "Верхом, в *глуши степей* нагих, / Король и гетман мчатся оба..." (Полтава. 1828 г.), и "*глушь долин*": "В *глуши долин*, в печальной тьме лесов / Один, один брожу уныл и мрачен..." ("Любовь одна – веселье жизни хладной..." 1816 г.). Ср. еще у Тургенева (в речи Касьяна): "– Хожу я и в Курск, и подале хожу, как случится. В болотах ночую, в залесьях, в поле *ночую один, во глуши*: тут кулички расвяжутся..." (Касьян с Красивой Мечи. 1851 г.) и "...я пошел побродить *по небольшому, некогда фруктовому, теперь совсем одичалому саду, со всех сторон обступившему флигелек своей пахучей, сочной глушью*" (Живые мощи. 1874 г.). Ср. в переносном употреблении: "Я издаю не примеры, но полное собрание лучших стихотворений Российских <...> Беру из каждого лучшее <...> И кому удалось во всю жизнь свою написать один только порядочный quatrain, за что ж этому бедному сироте погибать в *глуши* какого-нибудь журнала?..." (В.А. Жуковский – А.И. Тургеневу. 15 сентября 1809 г. // В.А. Жуковский. Эстетика и критика. М., 1985, с. 360).

второе его значение в СЦСРЯ: "2. В лесу: глухое место, из которого не видно поля" [П: 146]¹⁷.

<2> Скитаться

Если собрать воедино достаточно представительный корпус живых для современного состояния языка употреблений этого слова, соответствующих узувальной норме (минимально – хотя бы иллюстративный материал наших толковых словарей: *скитаться по белу свету; ...целый год за границей; ...то по северу, то по югу; ...по обширному таежному краю всю осень и зиму, коротая дни и ночи в охотничьих избушках, в балаганах и зимовьях; ...по Северу; ...по лесам с ружьем на плече; ...целый день по пустым равнинам; ...по гостиницам и меблированным комнатам; ...из дома в дом по улицам столицы; ...по людям, из дома в дом; ...по приискам; ...по театрам; ...из трупы в труп; ...по обедням и купцам; ...и следующую ночь по улицам и др. под.*), то станет ясно, что общими, и н т е г р а л ь н ы м и признаками их семантической структуры, в дополнение к центральному значению 'сознательного беспорядочного передвижения живого субъекта в горизонтальном пространстве из пункта в пункт – обычно с периодическим возвращением в некую исходную точку', являются с о о т н е с е н н ы е "масштабные" составляющие:

1. МП: а) "масштаб" целостного пространства, в границах которого происходит передвижение субъекта: *белый свет, Европа, таежный край, леса и равнины, города, город, улицы* и т.п.; б) "масштаб" частных локусов-пунктов в этом пространстве: *континенты и страны* (в мире); *страны и города* (в Европе); *города и ландшафты* (в крае); *улицы и дома / владельцы домов, "рабочие места"* (в городе) и др. под. и в) "масштаб" расстояния между этими пунктами. Отсюда, что естественно и необходимо, поскольку пространственное передвижение осуществляется во времени, также сопряженный с МП

2. МВ (масштаб времени): *вся жизнь или часть жизни; многие годы; на старости лет, несколько лет; целый год; всю осень и зиму; дни и ночи; весь (целый) день, всю (целую) ночь* и т.д.

Именно различия в "масштабе времени" наши "большие" словари кладут в основу разграничения и противопоставления двух вариантов целостного значения *скитаться* (и его номинализации *скитание*), которое "малые" словари толкуют как "Странствовать без цели, вести бродячий образ жизни. С. по белу свету. С. по чужим углам (жить у чужих людей, переходя от одного к другому. // сущ. *скитание*, -я, ср." [Ож. 1975: 664; ОШ 1997: 722]: 1. "Переходить, переезжать из одного места в другое, проводить жизнь в странствиях" <в иллюстрациях "целый год", "век", "всю осень и зиму"> и 2. "длительное время ходить, бродить где-л." <в иллюстрациях "целый день"> [МАС 1988, IV: 109]. То же в [БАС]: 1. "Переходить, переезжать из одного места в другое; вести бродячий, неоседлый образ жизни" <в иллюстрациях "жизнь",

¹⁷ Тот же семантический комплекс ('безлюдность' и 'пустота / запустение') передается редким сегодня, но достаточно широко употреблявшимся в недавнем прошлом словом *дичь* – "дикое, глухое место" [СП 1965, I: 648; Ож. 1975: 154; МАС 1985, I: 404; ОШ 1987: 168]. Отсюда обычные в эту эпоху сочетания "*глушь и дичь*", "*дичь и глушь*", "*дичь и голь*": "От меня не жди новостей: живу я в лесу, в дичи, в глуши, в одиночестве..." (П.А. Катенин – А.С. Пушкину. 9 мая 1825 г.) – и не только по отношению к л е с у: "Вот выезжает он в долину; / Какую ж видит он картину? / *Кругом пустыня, дичь и голь*..." (А.С. Пушкин. "Альфонс садится на коня..." 1836 г.); "Но есть поныне горсть людей / *В дичи лесов, в дичи степей*..." (М.Ю. Лермонтов. Последний сын вольности. 1839 г.). Ср. еще: "...он глядел... и эта свежая, *степная, тучная голь и глушь* <...> вся эта давно им не виданная, русская картина навевала на его душу сладкие и в то же время почти скорбные чувства..." (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо. XVIII. 1858 г.) и т.п.

"всю осень и зиму", "с детства...", "с той поры..." и др. > 2. "Много, долго ходить, бродить где-либо" <в иллюстрациях "целый день", "следующую ночь"> [БАС 1962, 13: 937–938]. Ср. показательное разграничение в [БАС], где "Она, бездомная, скиталась по людям, из дома в дом, зарабатывая хлеб стиркой" (Панова) иллюстрирует скитаться¹, тогда как "Гавриловна, целый день скитавшаяся по обедням и купцам, поздно вечером воротилась в дом Галкиных" (Гл. Успенский) – скитаться², разграничение, которым постулируется противопоставление по признаку "большого" (жизнь) – "малого" (целый день) "масштаба" времени.

Какое из двух предлагаемых лексикографами – [Ож.] и [БАС] решений справедливо? Какое из них отвечает реальным отношениям современного языка? Очевидно, что (отвлекаясь от явно ошибочного указания [Ож.] на "бесцельность" как обязательный компонент семантики *скитаться*¹⁸) тот или иной ответ на эти вопросы зависит от той или иной "масштабной" интерпретации таких временных показателей, как *целый день*, *целую ночь* и др. под. Очевидно также, что никаких инструментов, способных дать нам объективные результаты, никаких точных "масштабных весов" для определения "масштабного веса" таких единиц не существует. Бессмысленно спрашивать себя: "целый день" – это длительность большая или малая? А "целый месяц"? А "целая неделя"? А "целая минута"? Ведь речь идет не об их "весе" на неких мировых весах и не об их весе для нашего индивидуального сознания, а об их весе в представлении самого языка, который обладает своими инструментами, необходимыми для операции измерения "масштабного" веса слова и стоящего за ним понятия, – своими специальными "весами" и "гирями", в числе которых можно было бы назвать прежде всего положительные и отрицательные данные о сочетаемости возможных значений слова, потенциального носителя "масштабного" значения.

Так, легко убедиться в том, что в современном языке глагол *скитаться* не вступает в связь с такими именами единиц времени, как *час* или *полчаса* (**скитался целых полчаса*, **целый час скитался по улицам города*) и, следовательно, самим своим присутствием в тексте уже маркирует высказывание, как говорящее о "большом времени" ("grand aevi spatium"), независимо от величины его абсолютной длительности и независимо от а) наличия или б) отсутствия в тексте прямых показателей времени.

а) "*Скитался он долго в восточных краях / И чудную славил природу...*" (И.И. Козлов. Бейрон. 1824 г.); "...Между тем проходили годы, начатые здания оканчивались, соперники мои снискивали бессмертие, а я скитался от двора к двору, от передней к передней с моим портфелем, который полнел час от часу более..." (В.Ф. Одоевский. *Opere del Cavaliere...* 1832 г.); "Она способна, она может так любить – она го-

¹⁸ На самом деле *скитания* всегда связаны с теми или иными целеполаганиями. Это может быть осознанная конкретная лежащая в будущем цель: *скитаться в поисках работы и заработка, скитаться по лесам в поисках дичи* и т.п. Ср.: "...неожиданное, новое бедствие обрушилось на голову Ивана Петровича: он ослеп, и ослеп безнадежно, в один день. Не доверяя искусству русских врачей, он стал хлопотать о позволении отправиться за границу. Ему отказали. Тогда он взял с собою сына и целых три года проскитался по России от одного доктора к другому, беспрестанно пересезжая из города в город..." (И.С. Тургенев. *Дворянское гнездо*. XI. 1858 г.); "Но верой пламенной душа его горела / От первых детских лет. Тавл он мысль свою, / И вот однажды бросил дом, семью, / Оставивши письмо, что на служенье богу / Уходит он. Отец и мать / Чуть не сошли с ума; потом его искать / Отправились в безвестную дорогу. / Семь месяцев, влача томительные дни, / По всем монастырям скитались они..." (А.Н. Апухтин. *Год в монастыре*. 1883 г.). Но это может быть также цель как ментальное обоснование: *скитаться в тоске, отчаянии, душевной смуте, в томительном ожидании кого-, чего-л.* и т.д. Ср.: "Ах! небо чуждое не лечит сердца ран! / Наприсно я скитался / Из края в край ..." (В.А. Жуковский. *Разлука*. 1815 г.). Именно такого рода *скитания* могут представляться рациональному сознанию бесцельными. Ср.: "Среди людей, мне близких... и чужих, / Скитаюсь я – без цели, без желанья. / Мне иногда смешны забавы их... / Мне самому смешней мои страдания..." (И.С. Тургенев. *Толпа*. 1843 г.).

това будет скитаться со мною вечно, до земле неприязненной..." (Н.А. Полевой. Живописец. 1833 г.); "— Где вы всё это время пропадали, что вас не было видно? — Скитался кой-где. А вы всё в Петербурге находились?.." (И.С. Тургенев. Затишье. 1854 г.); "Нельзя себе представить, сколько добрых и честных людей, без всякой вины отставленных или выключенных из службы, в сие мрачное <павловское> время скитались без пропитания. Они принимали всякие низкие должности в знатных и помещичьих домах..." (Ф.Ф. Вигель. Записки. I. 1850-е гг.); "Несколько лет тому назад был я в Дрездене. Я остановился в гостинице. С раннего утра до позднего вечера скитаясь по городу, я не почел за нужное познакомиться с моими соседями..." (И.С. Тургенев. Переписка. 1856 г.); «В течение всей этой ночи мы скитались, по французскому выражению, как преступные души, "comme des âmes en peine"; входили в комнаты, садились рядышком на стульях залы, осведомлялись о Тропмане, взглядывали на часы, зевали, опять спускались по лестнице на двор, на улицу, возвращались, садились опять...» (И.С. Тургенев. Казнь Тропмана. II. 1870 г.); "[Мениппа] ...И вот теперь шестое лето / Скитаюсь по чужим землям... / Я сына все ищу..." (А.Н. Майков. Два мира. 2. 1872–1882 гг.); "А в поле ветер. День холодный / Угрюм и свеж — и целый день / Скитаюсь я в степи свободной, / Вдали от сел и деревень..." (И.А. Бунин. "Не видно птиц..." . 1889 г.); "Во сне мучительно я долго так бродил, / Кого-то я искал, чего-то добивался; / Я переплыл моря, пустыни посетил, / В скалах карабкался, на торжищах скитался..." (К.К. Случевский. "Во сне мучительно..." . 1899 г.); "Порой хотелось бы всех веяний весны, / <...> / Хотелось бы, чтоб степь вокруг меня легла, / <...> / Ущелий Терека и берегов Днепра, / Парижской толчеи, безлюдья Иордана, / Альпийских ледников живого серебра, / И римских катакомб, / И лилий Гулистана. // Возможно это все, но каждое в свой срок / На протяжения великих расстояний, / И надо ожидать и надо, чтоб ты мог / Направить к ним пути своих земных скитаний..." (К.К. Случевский. "Порой хотелось бы..." . 1902 г.) и т.п. Ср. также: "Вся молодость моя — скитанья / Да радость одиноких дум..." (И.А. Бунин. "Седое небо надо мной". 1889 г.); "...впереди ожидал меня немалый, небудничный путь, целые годы скитаний, бездомности, существования безрассудного и беспорядочного..." (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева. 4. X). То же в переносном употреблении (со склеенным обозначением пространства и времени): "Я видел сон... Не всё в нем было сном / Погасло солнце светлое — и звезды / Скитались без цели, без лучей / В пространстве вечном..." (И.С. Тургенев. Тьма. 1845 г.). Ср. еще: "Недаром добивался я письма, начатого в Гапсале, любезная графиня... Какое странное, милое, горячее и печальное письмо <...> Но отчего так долго скиталось это милое письмо? Это — тайна судьбы и почтового ведомства..." (И.С. Тургенев — Е.Е. Ламберт. 3 октября 1859 г.) и под.

б) "Мысль, что хозяин его <Шантилье> скитается по чужим землям, как бедный изгнанник, туманила для глаз моих предметы..." (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. 1790 г.); "Ломоносов, гонимый судьбою, скитался по Германии, переходил из земли в землю, без пристанища, часто без насущного хлеба..." (К.Н. Батюшков. О характере Ломоносова. 1815 г.); "Пускай пойду, стена, / Дражайшего искать среди трупов убиенных / Или скитаться с ним в пустынях отдаленных" (И.И. Дмитриев. Мадекасская пленница. 1827 г.); "Мы скитаемся в лесу, как дикие звери..." (М.Ю. Лермонтов. Вадим. XXI. 1833–1834 гг.); "Родимый край, тебя, друзей, / Без сожаленья, навсегда / Покину... и пойду тогда. / И безнадежен и суров, / Искать неведомых богов, / Скитаться с жадностью немой / Среди чужих, в земле чужой..." (И.С. Тургенев. Разговор. 1844 г.); "Скитаться с моим мизерным додошком по Петербургу, среди <sic!> вонючих квартир, видя недоступный себе образ жизни, я не могу..." (А.В. Дружинин. Дневник. 6 сентября 1845 г.); "...Будто уж и мы никогда не были молоды, будто в нас никогда не играли, не кипели, не дрожали силы жизни? И мы бывали в Аркадии, и мы скитались по светлым её полям..." (И.С. Тургенев. Переписка. VI. 1856 г.); «"Сокрушил меня царевич; / Кто мне что ни говори, / А, любя стихи да рифмы, / Не годится он в цари, / Я лишу его наследства". /

А жена ему <царю> в ответ: / "Будет, бедненький, по царству / Он скитаться, как поэт"» (Я.П. Полонский, Сны. 4. 1856–1859 гг.) и т.п., где значение "большого времени" по умолчанию выводится из органически сопряженных с ним и непосредственно представленных в этих текстах знаков "большого пространства" ("grand loci spatium"). То же в переносном употреблении: "Давным давно ко мне не приходила Муза; / К чему мне звать ее!.. К чему искать союза / Усталого ума с красавицей мечтой! / Как бесприютные, как нищие скитались / Те песни, что от нас на божий свет рождались..." (Я.П. Полонский, "Томит предчувствием болезненный покой..." 1885 г.). Ср. также *проскитаться*: "Пришли европейцы: / Земля им нужна – / И стали туземные / Гнать племена. / И всех истребили, – / Последний бежал, / В лесах проскитался, / Без вести пропал..." (Н.П. Огарев, Америка. 1842 г.) и т.п.

Отсюда понятный запрет на сочетание *скитаться* с пространственными именами "малого масштаба". Действительно, мы можем *бродить по дому* (около дома, вокруг дома, по квартире, по комнатам, из комнаты в комнату, по кабинету и т.п.), мы можем по дому *болтаться, колобродить, метаться, мыкаться, расхаживать, слоняться* (слоны слонять), *ходить и шагать туда и сюда, взад и вперед, из стороны в сторону, из угла в угол, шмыгать и шнырять* и т.д., но *скитаться по дому* (около дома, вокруг дома, по квартире, по комнатам, по кабинету и т.п.), как и *блуждать, рыскать, таскаться, толкаться, шататься и шляться по дому* нам современным языком не разрешено. Все эти глаголы называют действия, которые могут осуществляться только в "большом пространстве". Ср.: "Нет у певца страны родной, / Из края в край далекой / Он с арфой звонкой за спиной / Блуждает одиноко..." (Н.П. Огарев, Миннезингер. 1843 г.); "В житейском море я один блуждаю – / То к мирной пристани гоню мою ладью, / То снова царус поднимаю" (Я.П. Полонский, Воспоминание. 1853 г.); "...он был готов по целым дням, не евши, рыскать по полям и лесам в погоне за дичью и зверем" (И.С. Тургенев, Незадача. 1872 г.); "...он непрерывно, днем и ночью рыскал по имению, всё хотел своими глазами видеть..." (И.С. Тургенев, Старые голубки. 1883 г.); "Даламберта, Дидерота, Мармонтеля описывает он шарлатанами, обманывающими народ за деньги, побродягами, таскающимися по передним вельмож для испрашивания милостыни..." (П.А. Вяземский, Фон-Визин. VI. 1830–1848 гг.); "Не найдя никакой деятельности в среде, в которой родился, он сделался туристом; потаскавшись лет десять по Европе, он воротился усталый и принялся читать..." (А.И. Герцен, По разным поводам. 1846 г.); "И я пойду, пойду опять, / Пойду бродить в густых лесах, / Степной дорожкой блуждать, / Толкаться в шумных городах..." (Я.П. Полонский, Узник. 1844 г.); "...я чрез три дня уеду отсюда шататься по Италии" (А.А. Иванов – Н.В. Гоголю, Июль. 1840 г.); "...церемониться мне с тобой нечего: недаром мы с тобой вместе учились, вместе шатались по свету и вместе дрались на Кавказе..." (А.В. Дружинин, Полюшка Сакс. 1847 г.); "...мой ростовец был сидельцем на отчете, унес выручку и бежал. В раскольничьих скитах нашел он пристанище и доселе шатался по разным местам, собирая подаяние..." (В.И. Даль, Говор. 1848 г.); "Я, убивая время, шатался по городу, по Слободам, в Заречье встречал и провожал поезда на станции, в толкотне и суете приезжающих и уезжающих..." (И.А. Бунин, Жизнь Арсеньева. 2. XVII)¹⁹. Ср. также *странствовать, путешествовать, кочевать* и (специализированно связан-

¹⁹ Особо следует отметить расхождение между прямыми, физическими, БМ-значениями глагола *блуждать* (1. бродить в поисках дороги; 2. скитаться) и его переносными ментальными употреблениями, которые безразличны к "масштабу пространства" обозначаемого действия. Ср. *блуждать* (о мысли и мыслях), с одной стороны, и *блуждать* (о взгляде, взоре, улыбке, усмешке), с другой. В этой связи обращает на себя внимание также сформировавшаяся за последние полтора-два века асимметрия в соотношении между финитными и причастными формами "безмасштабного" глагола *бродить* в его переносных, ментальных значениях: *мысли блуждают / бродят – блуждающие / *бродящие мысли; взор, взгляд блуждает / бродит – блуждающий / *бродящий взгляд, взор; улыбка (усмешка) блуждает / бродит на губах –*

ное с ездой) *колесить*, с одной стороны, и *сновать*, с другой²⁰. Особо следует выделить принадлежащие к этой семантической группе устаревшие "безмасштабные" *маячить* 1. 'мыкаться, ходить, двигаться, качаться из стороны в сторону' (ММ); 2. 'бродить, скитаться' (БМ) [БАС 1957, 6: 740 – без иллюстраций] и этимологически производящее для этого последнего (не отмечаемое нашими большими словарями)

блуждающая / **бродящая на губах улыбка (усмешка)*. Ср.: "Унынье томное бродило тусклым взором / По рошам и лугам, пустеющим вокруг..." (П.А. Вяземский. Первый снег. 1817 г.); "И влажный взор его бродил / По диким соснам и камням..." (М.Ю. Лермонтов. Последний сын вольности. 1830 г.); "В мыслях мрак темнее ночи... / Сердце смолкнуло в ней вдруг, / И бессмысленные очи / Бродят медленно вокруг..." (А.И. Подолинский. Смерть Пери. 11. 1834-1836 гг.); "...взгляд ее немного прищуренных и как бы вглядывающихся во что-то далекое глаз бесцельно бродил по окрестному виду" (М.В. Авдеев. Подводный камень. 1. 3. 1860 г.).

В языке пушкинской эпохи – с характерной для него последовательно проведенной с метрией в отношениях между единицами каждого данного парадигматического звена языковой системы и их воплощениями – этого расхождения еще не было. Ср.:

а) взгляд – взгляды: "И с взглядом друга не встречался / *Бродящий мой во мраке взгляд*" (П.А. Вяземский. К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину. 1812 г.); "И сей *бродящий взгляд* мне внятен: / Он ищет Бурцова средь нас..." (П.А. Вяземский. К партизану-поэту. 1815 г.);

б) взор – взоры: "Там, брося – с высоты *бродящий взор* на воды / Улисса по следам, / По тьме, по ветру, по волнам / Бегущего, как ей казалось, догоняет..." (Г.Р. Державин. Цирцея. 1804 г.); "Томится сладостным желаньем; / *Бродящий взор* его блестит..." (А.С. Пушкин. Руслан и Людмила. 4. 1817–1820 гг.); "С воплем опустился Отто в кресла и потерял чувства. Эмма вскочила, шатнулась и едва могла удержаться о распятие. <...> Это зрелище представилось Ромуальду и Всеславу, когда они, запыленные, вошли в комнату. <...> Эмма в забытьи, с *бродящими окрест взорами*, опиралась на плечо Отто..." (А.А. Бестужев-Марлинский. Замок Нейгаузен, III. 1824 г. – Заметим здесь также *окрест* в "маломасштабном" значении!);

в) глаза: "...мутные, *бродящие глаза* его показывали, что голова его не в самом здоровом состоянии..." (О. Сомов. Юродивый. 1827 г.);

г) очи: "Не спалось лишь ей, не смыкала очей... / И *бродящим, открытым очам*, / При лампадном огне, в шпикае и броне / Вдруг явился Ричард Кольдингам..." (В.А. Жуковский. Иванова ночь. 1822 г.);

д) дума – думы: "Возможно ли в свое творенье, / Уняв веселых мыслей шум, / Тогда вперять холодный ум, / Отделкой портить небыллицы, / Плоды *бродящих резвых дум*, / И сокращать свои страницы?" (А.С. Пушкин. Моему Аристарху. 1815 г.);

е) мысль – мысли: "...мы оставили Лизавету Никольвну, приехавшую из театра, лежащую на постеле с книжкою в руках и с мыслями, *бродящими в минувшем и в будущем*..." (М.Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская. III. 1836-1838 гг.) и т. п.;

ж) рука: "Перо! тебя давно *бродящая рука* / По преданной тебе бумаге не водила..." (П.А. Вяземский. К перу моему. 1816 г.).

Ср. также *бродячий*: "На сны, в ночи *бродячие*, похожа / Моя тревожная любовь..." (Н.П. Огарев. "А часто не хотел себе я верить..." . 1842 г.) и *блудящий*: "И над болотом меж кустов / *Огни блудящие* спешат / Укрыться от дневных огней..." (М. Ю. Лермонтов. Последний сын вольности. 1830 г.).

²⁰ Ср. также показательные – с "масштабной" точки зрения – сопоставления типа **скитаться по улице – скитаться по улицам* ("Более двух часов *скитался* Лаврецкий по улицам города..." – И.С. Тургенев. Дворянское гнездо. XXXVIII. 1858 г.), **скитаться по полю – скитаться по полям* ("Мы же и одному русаку бывали рады, – вернее, нашим *скитаньям* за ним по осенним полям, на осеннем воздухе" – И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева. 4. VIII); **скитаться по деревне – скитаться по деревням*, **скитаться по саду – скитаться по садам* и т. п. и, с другой стороны: **скитаться по саду – скитаться по лесу или по парку*, **скитаться по деревне – скитаться по городу*, **скитаться по полю – скитаться по равнине*, откуда ясно, что *сад и деревня* (как *улица и поле*), даже если это *большой сад и большая деревня, длинная улица и широкое поле*, несут в себе скрытое значение "малого масштаба", тогда как *равнина и парк, лес и город*, даже если это *небольшой лес и небольшой город*, – скрыто "великомасштабны". Совершенно очевидно, что "масштабность" в таких случаях определяется тем, что находится – не находится в поле зрения субъекта этого действия.

маяться 1. 'ходить из стороны в сторону' (ММ); 2. 'бродить, скитаться' (БМ). Ср.: "Прошло семь лет. Не считаю нужным рассказывать, что именно происходило со мной в течение всего этого времени. *Помаялся я таки по России*, заезжал в глушь и в даль, и слава богу! Глушь и даль не так страшны, как думают иные, и в самых потаенных местах дремучего леса, под валежником и дромом, растут душистые цветы" (И.С. Тургенев. Яков Пасынков. II. 1855 г.).

Однако до конца третьей четверти пушкинского XIX века употребление *скитаться* в сочетаниях с "маломасштабными" именами пространства отнюдь не воспринималось как нарушение какой-либо литературной нормы и было вполне обычным в текстах самых высоких языковых авторитетов этой эпохи:

"Нередко к вечеру, *скитаясь меж кустами*, / Когда мы с поля шли, и в роще соловей / Свистал вечерню песнь, – он томными очами / Уныло следовал за тихою зарей" (В.А. Жуковский. Сельское кладбище. 1802 г.); "Он не знал, что ему делать со своими деньгами <...>; с ужасом смотрел, как <в маскараде> *скитались перед ним несчастные жертвы праздности, тщеславия и немощи...*" (Н.Ф. Павлов. Маскарад. II. 1835 г.); "...но были между ними <жителями Петербурга> и такие, которые удачно подделывались под парижанина и притворялись петербуржцами: то смотрели беспечно бог знает куда, то искали спасения от одиночества, страдали модным несчастьем быть выше толпы, *скитались сиротой на московском бульваре...*" (Н.Ф. Павлов. Миллион. I. 1839 г.); "Каждый день, / Я вам сказал, она в саду скиталась..." (И.С. Тургенев. Параша. X. 1840 г.); "...но между тем / Как по саду они вдвоём *скитались*, / Что, если б он, кого все знаем мы, / <...> / Что, если б бес печальный и могучий / Над садом тем, на лоне мрачной тучи / Пронесся..." (И.С. Тургенев. Параша. LVIII. 1840 г.); "Я всходил на холм зеленый, / Я всходил по вечерам; / И тебя, мой ангел милый, / Ожидал и видел там. / Помнишь шёпот старых сосен, / Шелест трав и плеск ручья... / Ах! с тех пор, как околдован, / У холма *скитаюсь я...*" (И.С. Тургенев. "Я всходил на холм зеленый...". 1840 г.); "Его голый затылок, с косицами крашенных волос и засаленной анненской лентой на галстук цвета воронова крыла, стал хорошо известен всем скучливым и бледным юношам, угрюмо *скитающимся во время танцев вокруг игорных столов...*" (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо. XIII. 1858 г.); "Отец не возвращался. От реки несло неприятной сыростью; мелкий дождик набежал и испострился крошечными темными пятнами сильно надоевшие мне глупые бревна, *около которых я скитался...*" (И.С. Тургенев. Первая любовь. 1860 г.); «В теченис всей этой ночи мы *скитались*, по французскому выражению, *как преступные души*, "comme des âmes en peine"; входили в комнаты, садились рядышком на стульях залы, осведомлялись о Тропмане, взглядывали на часы, зевали, опять спускались по лестнице на двор, на улицу, возвращались, садились опять...» (И.С. Тургенев. Казнь Тропмана. II. 1870 г.); "Ночь наступила, сальная свеча тускло горела на столе. Чертопханов перестал *скитаться из угла в угол*; он сидел весь красный, с помутившимися глазами..." (И.С. Тургенев. Конец Чертопханова. XIII. 1872 г.); "Потом он стал *скитаться по саду*, издали поглядывая на павильон, около которого уже началась возня укладки..." (И.С. Тургенев. Песнь торжествующей любви. VIII. 1881 г.); "Вечно одетая в серое платье и серую шаль, от которой пахло камфарой, она *скиталась по дому*, как тень, неслышными шагами..." (И.С. Тургенев. Клара Милич. I. 1882 г.) и др. под. То же в переносном употреблении: "...несмотря на всё наше сосредоточенное мужество, уже не один взгляд украдкой *скитался по углам комнаты*, отыскивая знакомую шляпу..." (И.С. Тургенев. Ред. [Поэтические эскизы. М., 1850], 1851 // И.С. Тургенев. Собр. соч.: В 15-ти томах. М.; Л., 1963. Т. V, с. 353)²¹.

²¹ Во всех этих случаях (поскольку в них идет речь о пешеходстве) мы скорее всего предпочли бы использовать глагол *бродить*, который, в отличие от *скитаться*, не предполагает периодических, более или менее длительных, перерывов передвижения и остановок в тех или иных конкретных локусах, будь то места жительства, места работы или места пребывания – бывания, различия между которыми служат для лексикографов основанием выделения

Приведенные примеры (особенно из текстов позднего Тургенева) настолько представительны и надежны, что можно лишь удивляться полному отсутствию их в "больших" словарях, обычно фиксирующих и более редкие устаревшие словоупотребления. Между тем они очень важны, так как дают все основания утверждать, что *скитаться*, как и многие другие единицы русской лексики, пережило за последние полтора века переход от до- и безмасштабного состояния (наследием и пережитком которого является устаревающее *скитаться*²²) к закрепленному значению "большого масштаба" пространства и времени. Ср. окончательное завершение этого процесса в производных *помина agentis скиталец* и *скиталица* ("От отца я отрекуся, / Он отрекся ж от меня. / Так и быть, *по белу свету* / *Я скиталицей пойду...*" – П.А. Катенин. Из романсов о Сиде. 21. 1822–1823 гг.), которые соотносятся только с *скитаться*¹²², при старом – фольклорном – *скитальщица к скитаться*²: «Солдатка Аксинья тоже повыла, узнав о смерти "любимого мужа", с которым она "пожила только один годочек" <...> И в своем вытье поминала "и русые кудри Петра Михайловича, и его любовь, и свое горькое житье с сиротой Ванькой" и горько упрекала "Петрушу за то, что он пожалел брата, а не пожалел ее горькую, *по чужим людям скитальщицу*"...» (Л.Н. Толстой. Хаджи-Мурат. VIII. 1896 г.)²³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М.: Л., 1950–1965.
 Даль – В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881.

оттенков основного значения *скитаться* (ср.: " ◊ Скитаться по людям, по чужим углам. Разг. Не иметь постоянного места жительства, менять одно местожительство на другое, живя у чужих людей ◊ Разг. Не имея постоянного места работы, переходить с одного места работы на другое" [БАС 1962, 13: 938]. *Бродить* же, если и допускает временные остановки, то не в реальных локусах, а в веких виртуальных точках пространства, как правило не получающих вербального обозначения.

²² Ср. *скитаться как странник*: "От самой юности игралische людей, / Младенцем был уже изгнанник; / Под небом сладостным Итали мойей / *Скитался как бедный странник*" (К.Н. Батюшков. Умиравший Тасс. 1817 г.). Ср. также номинационную и акциональную цепочки одного текста: "В пустыне *мыкаюсь, скиталец бесприютный* / Однажды вечером увидел светлый храм. / Огни горели там, курился фимиам, / И пенье слышалось... Надеждою минутной / В нем оживился дух. – *Давно уж он блуждал, / Иссохло сердце в нем, изныла грудь с дороги; / Колючим тернием истерзанные ноги / И дождь давно не освежал. / Что в долгих странствиях на сердце нависло, / О чем он мыслит, что любил – / Все странник в жаркую молитву перелил...*" (А.Н. Апухтин. "Оглашении, изыдите!". 1883 г.).

²³ То же изменение характеризует и историю глагола *гулять* который, при безразличии к "масштабу" его переносных и расширительных употреблений: *ветер гуляет на просторе* (БМ) – *по комнате* (ММ), *в голове у кого* (ММ) и т.п., в прямом своем – личном – значении ('ходить, расхаживать, прохаживаться взад и вперед') закрепился в БМ-контекстах: *гулять по парку, по саду, по коридору, по залу, по перрону* и т.п. Иначе в пушкинскую эпоху: "Средь поля *роковой намест* / *На нем гуляет, веселится / Палаач* и алчно жертвы ждет..." (А.С. Пушкин. Полтава. 1828 г.). То же в отношении отглагольного имени *прогулка*: "Едва веселыми лучами / День новый окна озлатил, / Елецкий *скорыми шагами* / *Уже по комнате ходил.* / Порой в забвении глубоко / Остановясь, прилежным оком / Во что-то всматривался он. / Во взорах счастье выражалось; / Перед душой его, казалось, / Летал веселый, светлый сон. / Через мгновенно пробужденный, / Он тем же чувством озаренный, / *Свою прогулку продолжал...*" (Е. Баратынский. Цыганка. V. 1830 г.); "Пришел бурмистр и стал в столовой, / А барин ходит и молчит; / <...> / *Соскучившись прогулкой мерной,* / Подходит барин наконец..." (Н.П. Огарев. Матвей Радаев. I. I. 1856 г.); "Он <Николай Ростов> старался избегать прежних знакомых с их соболезнованием и предложениями оскорбительной помощи, избегал всякого рассеяния и развлечения, даже дома ничем не занимался, кроме раскладывания карт с своей матерью, и *молчаливыми прогулками по комнате* и хурением трубки за трубкой..." (Л.Н. Толстой. Война и мир. Эпilog. I. V. 1863–1868 гг.).

- МАС – Словарь русского языка: В 4-х томах. М., 1986.
- НСРЯ – *Т.Е. Ефремова*. Новый словарь русского языка: В 2-х томах. М., 2000.
- Ож. – *С.И. Ожегов*. Словарь русского языка. М., 1975.
- ОШ – *С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- Пеньковский 1991 – *А.Б. Пеньковский*. Сдвиг норм наречного словоупотребления как исследовательская база для изучения грамматической и коннотативной семантики русского слова // *Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики*. Ч. 2. М., 1991.
- Пеньковский 2002 – *А.Б. Пеньковский*. О развитии скрытых семантических категорий русского языка (От Пушкина до наших дней). 1. Категория масштаба // *Авансировские чтения. Международная научная конференция 14–15 февраля 2002 г. Тезисы докладов*. М., 2002.
- СП 1956 – Словарь языка Пушкина: В 4-х томах. М., 1956.
- СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. СПб., 1867.
- Уш. – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4-х томах. М., 1935–1940.
- Фасмер 1967 – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. М., 1967.
- Шанский и др. 1975 – *Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская*. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975.